

ГЛАВА 1

Ниро Вулф попытался перешагнуть через лужу на обочине грунтовой дороги. Его левая нога, едва коснувшись травянистой лужайки, соскользнула, Ниро Вулф зашатался, отчаянно замахал руками... Он чудом восстановил равновесие и утвердил наконец свою стопятидесятикилограммовую тушу. Я не удержался и выразил неподдельное восхищение его акробатическими способностями. В ответ мой шеф проворчал что-то невнятно, но тем не менее злобно, и я снова почувствовал себя как дома.

Однако сейчас мы были довольно далеко от него. Добираясь сюда в это промозглое декабрьское утро, я больше часа гнал машину с Вулфом на заднем сиденье в направлении Северного Вестчестера. По его наивной теории следовало, что здесь он потеряет меньше крови и сломает меньше костей, когда произойдет безусловная и неминуемая дорожная авария.

Наконец мы достигли цели нашего путешествия в окрестностях деревни Катона и неза-

конно проникли во владения некоего Джозефа Джи Питкерна. Я говорю «незаконно» потому, что мы не подъехали к парадному подъезду большого старого каменного особняка и не вошли на террасу, как это принято среди порядочных людей. Повинуясь приказу шефа, я свернул на боковую аллею, обогнул особняк и остановился неподалеку от гаража.

Причина для такого маневра была более чем веская. Мы приехали вовсе не для того, чтобы нанести визит мистеру Питкерну. Мы намеревались у него кое-что украсть.

Итак, прежде чем Ниро Вулф успел в своей характерной манере поблагодарить меня за комплимент по поводу его вынужденной акробатики, из гаража вышел человек в промасленном комбинезоне и направился к нам. Он вряд ли был тем, кого мы хотели украсть, но Вулф решил не рисковать. Нацепив противную его натуре приветливую улыбку, он радушно поздоровался с незнакомцем. Человек в ответ кивнул:

— Кого-нибудь ищете, сэр?

— Да, господина Эндрю Красицкого. Это не вы?

— Меня зовут Имбри. Нил Имбри, дворецкий, шофер и мальчик на побегушках. Вы не похожи на коммивояжера или нечто в этом роде. Страховой агент?

Для себя я давно решил, что дворецкие бы-

вают совсем другими парнями, когда к ним подбираются с черного хода. Похоже, Ниро Вулф знал это. Проглотив без видимого неудовольствия оскорбление Нила Имбри, Вулф объяснил, что мы приехали по делу, не связанному со страхованием, хотя и личному. Дворецкий провел нас вдоль гаража на пять машин и показал тропинку, убегающую в заросли кустарника.

— Тропинка ведет к его коттеджу позади теннисных кортов. Эндрю у себя, спит после фумигации¹ в оранжерее ночью. Я тоже частенько провожу ночь за рулем, но мне спать днем не положено. В следующий раз буду умней и наймусь садовником.

Вулф поблагодарил провожатого и затопал по тропинке. Я замыкал шествие. Дождь только что прекратился, и все кругом было пропитано влагой. В кустах нам пришлось уворачиваться от каждой веточки — иначе бы не избежать маленького душа. Молодому, ловкому и в отличной форме, мне это не составляло труда. Для Вулфа с его весом, отягощенного твидовым пальто, шляпой и тростью, подобное упражнение было не из легких.

За кортами кустарник перешел в рощу веч-

---

¹ Ф у м и г а ц и я — обработка растений ядохимикатами против вредителей. (Прим. ред.)

нозеленых деревьев, а за рощей на поляне мы увидели коттедж.

На стук дверь распахнулась. Нам открыл светловолосый атлет едва ли старше меня, с большими голубыми глазами и лицом, словно бы готовым вот-вот расплыться в улыбке. Мне всегда было непонятно, зачем девушкам смотреть на кого-то еще, если есть я. Однако наличие в природе этого экземпляра меняло расстановку сил.

Вулф поздоровался и спросил, не Эндрю ли Красицкий перед нами.

— Да, это я, — атлет слегка поклонился. — А могу ли я в свою очередь... Мой бог! Да это же Ниро Вулф собственной персоной! Вы ведь на самом деле Ниро Вулф?

— Да, — скромно признался мой шеф. — Позвольте мне войти и поговорить с вами, мистер Красицкий. Я вам написал, но ответа не получил. Вчера по телефону вы...

Светловолосый принц прервал Вулфа:

— Все в порядке, все улажено!

— Каким же образом?

— Я решил принять ваше предложение. Я только что написал вам письмо.

— Когда вы сможете приехать?

— Как скажете, хоть завтра. У меня тут хороший помощник, он управится без меня.

Вулф не выказал радости. Сжав губы, он сде-

лал несколько глубоких вдохов-выдохов через нос. Наконец он произнес:

— Черт подери! Можно я войду? Я хотел бы присесть.

ГЛАВА 2

Реакция Ниро Вулфа на эту новость была вполне естественной. До него дошло, что столь долгожданное и приятное известие он мог получить, не выходя из дома — с завтрашней утренней почтой. На ногах такое потрясение он перенести не мог. Я уже говорил, как он ненавидит улицу и сколь редко выходит из дома. Думаю, Вулф способен скорее остаться в комнате наедине с тремя-четырьмя смертельными врагами, чем доверить себя механическому монстру о четырех колесах. Но на этот раз он оказался в безвыходном положении. А история такова. В старом кирпичном доме на Западной Тридцать пятой улице живут четыре человека: он сам, я, совмещающий в одном лице сыщика, швейцара и много других профессий, Фриц Бреннер, повар и домоуправляющий, и, наконец, Теодор Хорстман, садовник, обязанность которого состоит в уходе за десятью тысячами орхидей в оранжерее на крыше.

Беда в том, что однажды нас стало на одного

меньше. Из Иллинойса пришла телеграмма, что мать Теодора при смерти и он должен немедленно приехать. Теодор отбыл первым же поездом, и с той минуты Вулфу пришлось по-настоящему пахать в оранжерее — вместо привычного симулирования ежедневно по четыре часа. Кое в чем могли помочь мы с Фрицем — там, где не требовалась особая квалификация, но этого было мало.

Куда мы только не обращались за помощью, особенно после того, как Теодор известил, что не может с уверенностью сказать, когда вернется: то ли через шесть дней, то ли через шесть месяцев. Но ни одному из претендентов на место садовника Вулф не рискнул доверить свои драгоценные орхидеи.

О Красицком Вулф слышал как о садоводе, которому удалось скрестить одонтоглоссум циррхосум с нобиле вейтхианум, и, будучи истинным знатоком, он сумел оценить это по достоинству. Окончательно он убедился в выборе, узнав от Льюиса Хьюитта, что Красицкий прекрасно работал у него три года. Итак, оставался пустяк: заполучить садовника себе. Вулф написал ему — ответа нет. Вулф позвонил — отказ. Позвонил еще раз — и снова отказ. И вот тогда дождливым декабрьским утром отчаявшийся, усталый и злой Вулф послал меня в гараж за машиной. Подъехав к нашему крыльцу, я увидел шефа

мрачным и решительным, готовым умереть или добиться своего. Знаменитый Стэнли, отправляющийся в джунгли Африки на поиски пропавшей экспедиции Ливингстона, не шел ни в какое сравнение с Вулфом, собравшимся в шикарном авто за Красицким в Вестчестер.

И вдруг Красицкий заявляет о своем полном и добровольном согласии! Полное разочарование...

— Я хотел бы присесть, — упрямо повторил Ниро Вулф.

Красицкий извинился, пригласил входить и чувствовать себя как дома. Однако сообщил, что компанию разделить не может, нужно сходить в оранжерею. Я заметил при этом, что раз уж так получилось, то лучше сесть в машину и вернуться в город, в собственную оранжерею, где дел не меньше. Вулф вспомнил о моем существовании и представил меня Красицкому. Мы пожали руки. Затем садовник сообщил, что у него зацвела фалаенопсис афродите, и пригласил полюбоваться.

Вулф хмыкнул:

— Гибрид? У меня их восемь.

— О нет! — В голосе Красицкого я сразу уловил знакомый снобизм садоводов. — Не гибрид и не дайана. Сандериана. Девятнадцать отростков.

— Боже праведный! — с завистью произнес Вулф. — Я должен их увидеть.

Мы не вошли в дом, чтобы присесть с дороги, не вернулись и к машине. Мы двинулись за садовником по знакомой теперь тропинке. Неподалеку от особняка свернули налево, на другую тропинку, что повела нас мимо кустов, растущих на границе участка. Кусты были по-зимнему голы и подстрижены.

Навстречу нам попался молодой парень в яркой рубашке.

— С тебя причитается, Энди, — заявил он. — Я тут вкалываю за тебя.

Красицкий ухмыльнулся в ответ:

— Обратись к моему адвокату, Гас.

С южной стороны особняка открылся вид на оранжерею. Даже в этот мрачный декабрьский день она производила впечатление. Могучий фундамент, такой же, как и у особняка, стеклянные арочные своды... С торца к оранжерее примыкало одноэтажное сооружение под черепичной крышей. К нему нас и подвел Красицкий. Стену пристройки увивал плющ. Привлекла внимание и вычурная дверь из мореного дуба с коваными накладками. На двери в рамке висело предупреждение, написанное крупными алыми буквами, которое можно было разглядеть метров за двадцать: «Опасно! Не входить! Дверь к смерти!»

«Веселенькое приветствие», — подумал я.

Вулф кивнул на табличку:

— Цианистый газ?

Красицкий снял страшное объявление с двери, вставил в скважину ключ и только потом покачал головой:

— Сифоген. Но можете не беспокоиться: вентиляционные окна уже несколько часов как открыты. Да, текст несколько романтичен, но появился он здесь задолго до меня. Подозреваю, что табличку завела сама миссис Питкерн.

Войдя внутрь, я хорошенько приняхался. Вулф для обработки растений тоже использует сифоген, так что я знаю, насколько он ядовит. Но сейчас мой нос едва уловил слабый запах. Дышать было можно.

Помещение, в которое мы вошли, использовалось как склад и мастерская. Вулф сразу же принялся за осмотр. Энди Красицкий извинился и вежливо, но твердо сказал, что времени у него мало, он отстал от графика. Вулф не стал возражать и проследовал за ним в оранжерею.

— Это холодное отделение, — сообщил нам садовник, — следующее — теплое, а за ним последнее, оно примыкает к дому, со средней температурой. Мне нужно теперь закрыть вентиляцию и включить автоматику.

По сравнению с хозяйством Вулфа, в котором были только орхидеи, у Красицкого в оран-

жерее я отметил, на мой взгляд, некоторый беспорядок. В теплом отделении я увидел забываемое зрелище: это было выражение лица Ниро Вулфа, с которым он уставился на орхидею с девятнадцатью отростками. Зависть и восторг ярким блеском сияли в его глазах. Посмотрел и я. Нечто необычное и вовсе незнакомое предстало перед моим взором. Растение удивительным образом казалось розовым, пурпурным и желтым одновременно.

— Ваше? — требовательным тоном спросил Вулф.

Энди пожал плечами:

— Это принадлежит мистеру Питкерну.

— Меня не интересует, кому она принадлежит. Вы ее вырастили?

— Да. Из семечка.

Вулф тяжело засопел.

— Господин Красицкий, позвольте пожать вашу руку.

Энди позволил, а затем мы перешли в отделение со средней температурой, очевидно, чтобы и там закрыть вентиляцию. Вулф, правда, задержался на несколько минут, молча созерцая редкую орхидею, так тронувшую его сердце.

В следующем отделении царил кавардак. Здесь было выставлено все — от сиреневых гераней до некоего растения, посаженного в ванну и буквально усыпанного тысячами малень-

ких белых цветков. Я не сдержался и понюхал диковинку, но ничего не почувствовал, тогда сорвал один цветок и растер его между пальцами. Распространившийся после этого запах впечатлил меня настолько, что мне пришлось вернуться в мастерскую и вымыть руки с мылом.

Я вернулся именно тогда, когда Энди предлагал Вулфу взглянуть еще на одну диковинку.

— Вам, безусловно, знакома эта красавица, известная под названием «плерома грандифлора»?

— Безусловно, — подтвердил Вулф, хотя, бьюсь об заклад, он слышал о ней в первый раз в жизни.

— Так вот, у меня есть двухлетнее растение, выращенное мной из черенка не более двух футов. Оно дало побеги. Листья почти круглые. Сейчас я вам его покажу, оно отдыхает от света.

Красицкий подошел к полке, укрепленной на уровне пояса. Во всю ее длину, касаясь пола, свешивался зеленый брезент. Энди присел, приподнял нижний край брезентового полотнища, засунул под него голову и... застыл. В течение продолжительного времени он вообще не шевелился, затем медленно вылез, стукнувшись при этом головой, выпрямился во весь рост и снова окостенел. Кровь отхлынула у него от лица, глаза были закрыты. Уловив мое произ-

вольное движение к брезенту, он открыл глаза и прошептал:

— Не смотрите туда! Не надо! Нет! Хотя... Конечно же, посмотрите сами.

— Там мертвая женщина, — сообщил я Вулфу, заглянув под полку с горшками.

— Да, она выглядит словно мертвая, — повторил следом Энди, все еще бледный и без кровинки в лице.

— Она и есть мертвая, — сказал я. — Мертвая и остывшая.

— Черт подери! — выругался Ниро Вулф. — Просто черт подери, и больше ничего!

ГЛАВА 3

Тут я должен кое-что пояснить. Частный детектив, полагающийся всецело на себя, и представитель власти, опирающийся на государство и принявший присягу, обладают различным статусом. Детектив действует на основании выданной ему лицензии. Она, кроме всего прочего, обязывает его соблюдать кодекс. Именно такая лицензия лежала сейчас в моем кармане и обязывала поступать по закону.

Однако в ту минуту, глядя на бедного садовника и моего шефа, я думал не о том, что следует предпринять в первую очередь, а с досадой

размышлял, что даже небольшая прогулка Ниро Вулфа в Вестчестер с мирной целью уговорить садовника не смогла обойтись без трупa. Я тогда и представить себе не мог, что именно это — потребность Вулфа в садовнике — явилось главной причиной появления трупa в этом месте и в этот день, а то, что я поначалу принял за совпадение, было и причиной, и следствием.

Энди все еще стоял столбом, когда Вулф наконец перестал поминать черта и ругаться. Он подошел к брезенту.

— Вам туда не пролезть, — предупредил я.

И действительно, его попытки не удались. Тогда Вулф встал на колени. Я присел на корточки рядом. Света здесь было мало, но для беглого осмотра достаточно. Смерть исказила черты лица девушки, но и увиденного нами было достаточно, чтобы решить: она была недурна собой. У покойной были светлые каштановые волосы, красивые руки. Одета она была в синее платье из искусственного шелка. Девушка лежала на спине, приоткрыв глаза и рот.

Больше под полкой ничего не было, кроме опрокинутого горшка с саженцем, у которого оказался надломлен побег.

Вулф разогнулся и встал, побагровев лицом от натуги. Я встал рядом с ним. Энди стоял, не двигаясь, изображая памятник самому себе.

— Она мертва, — заявил он нам, на этот раз чересчур громко.

Вулф в знак согласия кивнул и добавил с горечью:

— А ваше растение погублено. Новый побег отломлен.

— Что вы сказали? Растение? Какое растение? А...

Энди нахмурился и потряс головой, будто проверяя, не гремит ли в ней что-либо. Потом он снова присел и приподнял брезент. Тут уже и я, и Вулф нарушили кодекс, не предупредив садовника, чтобы он ни к чему не прикасался на месте преступления. Поэтому он не только прикоснулся, но и изъясил вещественное доказательство. В руке Энди держал свое драгоценное растение, его отломленный побег. Средним пальцем он проделал бороздку в земле на полке, положил в нее побег одним концом и прикопал.

— Это вы ее убили? — неожиданно даже для меня рявкнул на садовника Вулф. С одной стороны, это был неплохой вопрос, с другой — я бы отнес его сейчас к разряду неудачных. Но он помог вывести Энди из состояния транса, и тому сразу же захотелось врезать Вулфу. Он рванулся, но в узком проходе между полками не смог обойти меня.

Я тоже не дурак подражаться, если выпадет случай. Мы столкнулись грудь в грудь.

— Это вам вряд ли поможет, — сказал Вулф с горечью. — Вы уже завтра собирались работать у меня, а что же теперь? Могу ли я бросить вас в теперешнем положении? Нет. Потому что не успею я доехать до дома, как вы окажетесь за решеткой. А на вопрос, который вам так не понравился, вы сегодня будете отвечать бессчетное количество раз.

— О боже! — Энди сразу сник.

— Именно так, сэр. Для начала все-таки ответьте мне: это вы ее убили?

— Нет, клянусь небом, нет!

— Кто она?

— Она... Это Дини. Дини Лауэр. Сиделка миссис Питкерн. Мы собирались пожениться. Вчера, только вчера она сказала, что выйдет за меня замуж. И вот я стою здесь... — Энди воздел руки с растопыренными пальцами и потряс ими. — Стою здесь. Что мне теперь делать?!

— Успокойтесь, — посоветовал я.

— Вы пойдете со мной, — заявил Вулф, протискиваясь мимо меня. — В мастерской я видел телефон. Но прежде мы немного потолкуем. Арчи, ты останешься здесь.

— И я останусь здесь, — заявил Энди. Взгляд его приобрел осознанное выражение, но лицо оставалось бледным, и на лбу выступили капельки пота. Он повторял: — Да, я тоже останусь здесь.

Минуты две его пришлось уговаривать предоставить эту честь мне. В конце концов садовник ушел с Вулфом, и сквозь стеклянную перегородку я видел, как они прошли через холодное помещение и мастерскую — озабоченный Вулф и понурый, убитый горем Эндрю Красицкий. Я остался в одиночестве. Хотя считать так можно было лишь с известной долей условности, ведь среди моря окружающих меня цветов, среди стеклянных стен одиночество — пустой звук.

Да, оранжерея хорошо просматривалась снаружи. Это позволило мне сделать первый вывод, что под брезент живую или мертвую Дини Лауэр закатали в любое время суток, кроме светлого, то есть не с семи до семнадцати часов. Чтобы проверить, живой или уже мертвой несчастная оказалась под брезентовым полотнищем, мне снова пришлось присесть и заглянуть под полку.

Года четыре назад Вулф установил у себя баллон с сифогеном, и мне пришлось прочесть кое-какие книжки. Мне было интересно узнать, на что я буду похож, если стану пренебрежительно обращаться с этим баллоном. Так что начальные сведения у меня были. Более тщательный осмотр лица и шеи Дини позволил заключить, что под брезентом она оказалась еще живой. Бедную девушку добил сифоген. Представлялось маловероятным, что Дини добро-

вольно забралась под полку с растениями и покорно легла, чтобы умереть. Я поискал следы ушибов или повреждений кожи, но ничего не обнаружил.

Продолжить осмотр мне не дали.

— Энди! Энди! — раздался громкий голос, принадлежавший немолодому мужчине, и стук в дверь, соединявшую оранжерею с особняком. Стук и крики повторились. Я подошел к двери и обнаружил, что она открывается в сторону особняка. Все щели были аккуратно заклеены широкой лентой по всему периметру. Запором служила массивная бронзовая задвижка, способная выдержать настоящую атаку.

Повторяющийся зов и стук в дверь звучали явно по-хозяйски. Бесполезно было бы вести разговор через дверь — во мне немедленно распознали бы чужака со всеми вытекающими отсюда последствиями. Если не отвечать, думал я, то, скорее всего, последует вторжение через мастерскую, а я-то уж знаю, как Вулф реагирует, если его некстати прерывают.

Делать было нечего. Я отодвинул засов, вышел, закрыл за собой дверь и встал к ней спиной.

— Кто вы такой, черт вас возьми?!

Я оказался не в холле и не в прихожей, а в огромной гостиной. Передо мной стоял Джозеф Джи Питкерн.

Да, я узнал его. Личность эта была не то чтобы уж очень известной. Просто когда мы с Ниро Вулфом начали заманивать садовника, я навел кое-какие справки и о его хозяине. Кроме описания внешности, я узнал, в частности, и то, что господин Питкерн любитель гольфа, рантье в третьем поколении и бездельник. Последнее стало с годами его основной специальностью. Особой приметой я бы назвал его свернутый на сторону нос — результат, как мне доверительно сообщили знатоки, неудачного замаха клюшкой номер четыре для гольфа. Но это, как вы понимаете, всего лишь официальная версия.

— Где Энди? — немедленно потребовал Питкерн, не давая возможности ответить на свой первый вопрос.

— Меня зовут...

— Мисс Лауэр там?

Моей главной задачей было потянуть время, поэтому я одарил хозяина дома вежливой улыбкой и тихо сказал:

— Доведите до дюжины, и я начну отвечать.

— Дюжины чего?

— Вопросов. Или позвольте мне задать вопрос вам. Вы слышали про Ниро Вулфа?

— Конечно. Он выращивает орхидеи. Что дальше?

— Это с какой стороны посмотреть. Как он сам недавно заметил, вопрос не в том, кто вла-

деет, а в том, кто выращивает. Его садовник Теодор Хорстман проводил в оранжерее по двенадцать часов, а порой и больше, но недавно вынужден был уехать в связи с болезнью матери. После некоторых размышлений Вулф решил забрать у вас Эндрю Красицкого. Как вы помните...

Меня прервали, но это был не Джозеф Питкертн. Позади него появились молодые мужчина и женщина. Еще одна женщина, но не столь молодая, как первая, в одежде горничной, встала сбоку. Справа от меня оказался Нил Имбри, все еще в своем рабочем комбинезоне. Поток моего красноречия прервала молодая женщина, которая быстрыми шагами вышла из-за спины хозяина дома и дернула меня за рукав.

— Прекратите нас морочить! Отойдите от двери! Там что-то произошло, пропустите меня!

Молодой человек, оставаясь на месте, крикнул:

— Осторожней, Сибби! Это, должно быть, Арчи Гудвин. Ему ударить женщину все равно что...

— Помолчи, Дональд! — приказал Джозеф Питкертн. — А ты, Сибил, охлади свой пыл. — Взгляд его холодных серых глаз снова остановился на мне. — Вы Арчи Гудвин и работаете на Ниро Вулфа?

— Совершенно верно.

— Вы сказали, что приехали повидать Кра-
сицкого?

— Чтобы увезти его от вас, так точнее. —
Я специально повторил эту фразу, надеясь спро-
воцировать продолжительный спор, но он не
клюнул.

— Может ли это служить оправданием для
вторжения в мой дом и баррикадирования двери?

— Нет, — согласился я. — Энди пригласил
меня в оранжерею, где я и находился, пока не
услышал стук в дверь и ваш голос. Энди был за-
нят с Вулфом, и мне ничего не оставалось, как
открыть. Я решил, что вы имеете безусловное
право войти в оранжерею, когда вам это вздума-
ется. Именно поэтому я поступил так, как счел
нужным. Что же касается баррикадирования,
тут вы попали в точку. Признаю, мое поведение
может показаться необычным. Предположим в
свою очередь, что оно некоторым образом свя-
зано с упоминавшейся здесь мисс Лауэр, кото-
рая лично мне незнакома. В этом случае мне,
естественно, хотелось бы знать, почему вы спро-
сили меня, там ли мисс Лауэр?

Одного решительного шага Питкерну хвати-
ло, чтобы оказаться рядом со мной. Он потребо-
вал:

— Прочь с дороги!

Я покачал головой, сохраняя вежливую улыб-
ку. Про себя я решил, что нет смысла перево-

дить холодную войну в горячую, особенно если учесть в его резерве Дональда и Нила Имбри, и был готов огласить некоторые факты. Но до этого не дошло.

Вдруг послышался шум подъехавшей машины. С того места, где стоял Имбри, требовалось лишь два шага, чтобы выглянуть в окно.

— Полиция, мистер Питкерн, — сообщил он хозяину. — На двух машинах.

Очевидно, беседа Вулфа с Энди была короткой и не удовлетворила его, раз он решил, не затягивая, вызвать полицию. Добавлю, что к этому он прибегает крайне редко, только когда уже ничего нельзя поделать.

ГЛАВА 4

Спустя пять часов, сидя в единственном приличном кресле в мастерской оранжереи в три часа дня, Ниро Вулф предпринял последнюю отчаянную попытку.

— Предъявите ему любое обвинение, кроме умышленного убийства, — просил он. — Назначьте любую сумму залога, я его выплачу. Никакого риска. В конце концов вы меня благодарить будете, когда я соберу неопровержимые факты.

Трое его собеседников опять покачали головами. Один из них сказал:

— Бросьте, Вулф. Лучше подыщите себе садовника, который никого не убил.

Это был Бен Дайкс, шеф сыскного отдела графства. Второй произнес с угрозой:

— Будь моя воля, вам самому пришлось бы внести залог за себя — как свидетеля преступления.

Это был лейтенант Кон Нунан из полиции штата. Он с самого начала вел себя мерзко, и только после прибытия окружного прокурора, запомнившего нас по делу Фасхальта, к нам стали относиться по-человечески.

Третий собеседник произнес:

— Бесплезно, Вулф. Хотя, конечно, мы с удовольствием рассмотрим все факты, которые вы сможете нам представить.

Это был Кливленд Арчер, окружной прокурор графства Вестчестер. Любое другое убийство, не имеющее отношения к семейству Джозефа Джи Питкерна, он поручил бы своим помощникам.

Прокурор продолжал:

— Какое иное обвинение, кроме умышленного убийства, можно предъявить? Я не говорю, что дело можно закрыть, оно готово к передаче в суд. Спешить не будем, есть еще несколько

неясных моментов, хотя, судя по всему, он виновен.

Мы наконец-то могли спокойно поговорить. Вулф устроился в наиболее подходящем для него кресле, я примостился на краешке цветочной полки, остальные трое стояли. Труп давно увезли. Толпа экспертов-криминалистов закончила свои дела и тоже отбыла. Тысячи вопросов были заданы всем присутствующим в доме, ответы запротоколированы, протоколы подписаны. Энди Красицкого, пристегнутого наручниками к полицейскому, усадили на заднее сиденье автомобиля и увезли в тюрьму Уайт-Плейнс.

Все было сделано быстро и четко. А Вулф, ничего не евший после завтрака, кроме четырех бутербродов и трех чашек кофе, пребывал в еще большем отчаянии, чем ненастным утром, когда посылал меня за машиной. Энди уже был в его руках, и вдруг такая осечка!

Все улики были против Красицкого. В доме дружно показали, что он с первого взгляда втюрился в Дини Лауэр два месяца назад, когда она приехала ухаживать за миссис Питкern, повредившей спину в результате падения с лестницы. Это подтвердил даже Гас Требл, парень в пестрой рубашке, помощник Энди, всей душой болевший за него. По его словам, Дини помыкала Энди как хотела. На вопрос, почему Энди решил избавиться от Дини именно в тот день, ко-

гда она согласилась выйти за него, ответ был прост: кто сказал, что она согласилась? Сам Энди. Никто об этом и слыхом не слыхивал. Выяснилось, что эту приятную новость Энди сообщил только Вулфу и мне. Тогда выходило, что он отравил газом возлюбленную потому, что отчаялся получить ее?

Возможно, эту версию и хотел прояснить окружной прокурор. Судьи и присяжные обожают убийства на почве ревности. Дело могло приобрести щекотливый поворот, поэтому-то прокурор и решил не спеша все продумать. Кто мог быть третьим лицом в любовном треугольнике? Нил Имбри не тянул на эту роль, поведение Гаса Требла исключало и его, а самого Питкерна и его сына окружной прокурор трогать без нужды не решался. Поэтому он и хотел осмотреться, задать всем массу вопросов. Однако новых улик Кливленд Арчер не получил.

Нунан и Дайкс вначале тоже участвовали в опросе свидетелей, но когда позже из Уайт-Плейнс сообщили предварительные результаты вскрытия, показавшие присутствие в организме Дини морфия, сам окружной прокурор пропустил всех по второму кругу. Да, лабораторные анализы показали наличие морфия, но не в смертельных дозах! Можно было с уверенностью утверждать, что причиной смерти явилось отравление сифогеном. Морфий давал ответ на

СОДЕРЖАНИЕ

ДВЕРЬ К СМЕРТИ. Повесть	
<i>Перевод Б. Акимова . . . . .</i>	5
ПАСХАЛЬНЫЙ ПАРАД. Повесть	
<i>Перевод А. Санина . . . . .</i>	97
РОКОВЫЕ ПОЧАТКИ. Повесть	
<i>Перевод А. Санина . . . . .</i>	175